

**«Святочная сказка» П. В. Засодимского «Разрыв-трава»:
своеобразие жанровой природы и поэтики**

В статье исследуются сказочные образы и мотивы, фольклорная купальская традиция, структурные компоненты святочного рассказа и их трансформации в художественной системе рассказа П. В. Засодимского «Разрыв-трава» в духе народнической идеологии. Делается вывод о специфике использования писателем фольклорной и литературной традиций в создании произведений для народа и детского чтения.

Ключевые слова: П. В. Засодимский, «святочная сказка» «Разрыв-трава», поверья о кладах, святочный рассказ, сказочные образы и мотивы, народническая идеология, мифологема «клад», образ разрыв-травы.

Lyudmila Vigerina

**The Christmas Tale “Saxifrage” by P.V. Zasodimsky:
Originality of Genre Nature and Poetics**

The article explores fairy-tale images and motives, Kupala folklore tradition, structural components of the Christmas story and their transformation in the artistic system of P. V. Zasodimsky’s story “Saxifrage” in the spirit of populist ideology. The author makes a conclusion about special nature of folklore and literary traditions used by the writer when creating works for the people and children.

Key words: P. V. Zasodimsky, Christmas tale “Saxifrage”, beliefs about treasures, fairy tale images and motifs, populist ideology, mythologeme “treasure”, the image of saxifrage.

«Святочная сказка» П. В. Засодимского «Разрыв-трава» входит в его сборник «Бывальщины и сказки» (1888), предназначенный для детского чтения. Авторский подзаголовок «святочная сказка» указывает на сочетание жанра святочного рассказа и сказки. Рассмотрим подробнее, как функционируют структурные элементы указанных жанров в художественной системе произведения, каким трансформациям подвергаются в соответствии с замыслом писателя, его эстетической и мировоззренческой позицией, а также выясним, какие иные жанровые формы и традиции определили идейно-художественное своеобразие текста.

«Разрыв-трава» связана со святочной календарной словесностью: «святочная сказка», хотя события в ней не приурочены ни к Рождеству, ни к святкам, ни к Новому году. Между тем жанровый подзаголовок задает определенный вектор читательского восприятия: ожидание чуда, фантастических событий, счастливой развязки, назидательного смысла. Появление подзаголовка, возможно, обусловлено тем, что рассказ предназначался для праздничного номера периодической печати (рождественского, святочного, новогоднего). Кроме этого, хотя в сказке время – обобщенное, неконкретное (когда-то, стародавние времена и пр.), в ней есть мотив поиска разрыв-травы, который чаще всего был связан с праздником Ивана Купалы (правда, в некоторых справочных изданиях указывается, что поиск разрыв-травы также может быть приурочен к ночи накануне Пасхи, но это менее частотный случай). Связанность Рождества Иоанна Крестителя и Рождества Иисуса Христа в народном и христианском календарях (первый праздник приурочен к летнему солнцестоянию, второй – к зимнему, оба праздника проникнуты одной идеей ожидания Спасителя), позволяет воспринимать сказку П. В. Засодимского как рождественскую. Наличие в ней фантастических образов и событий, назидательный смысл также подтверждают связь с традицией святочной словесности.

В «Разрыв-траве» писатель обратился к двум фольклорным традициям: сказочной и к народным поверьям о кладах. Именно они определили своеобразие двух сюжетных линий произведения.

Писатель использует характерные для народной сказки образы, мотивы, стилистические и структурные элементы. Начинается «Разрыв-трава» традиционным сказочным зачином: «За синими морями, за высокими горами, за лесами дремучими, за песками сыпучими, в чужедальной земле жил-был один почтенный старик». Сюжет строится на сказочном мотиве добывания недостающего (недостачи): клада – по завещанию самого старого, а значит, мудрого, из «нищей братии». Однако сразу же писатель подчеркивает социальную проблематику сказки. Такой вектор восприятия произведения как поднимающего вопросы остросоциальные, вопросы социальной справедливости задается настойчивым повторением слова «нищие» и синонимов к нему. Читателю должно быть ясно, что в сказке речь идет не о народе как национальном целом, а именно о «нищей братии», бедняках, «голи перекаточной», живущей в «трущобах». В фольклоре трущобы означают лесную чащу, непроходимые места. Другое значение слова связано с урбанистической культурой и означает места проживания бедных [1]. В сказке П. В. Засодимского актуализируется второе значение слова «трущобы», тем самым подчеркивается, что речь идет о беднейших слоях населения, как деревенского, так и городского.

Писатель использует устойчивые сказочные выражения: дремучий лес, белый свет, добрый молодец, сила бесовская, разудалый лихой молодец, сокол ясный, белая рученька, маков цвет, лютые звери; фольклорные повторы: шел-шел, подобру-поздорову, веки-вечные, долго ли, коротко ли, пить-есть, целует-милует; слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: дети-нушка, головушка, дороженьки, рученьки, косточки и др.

Как в сказках герои ищут счастья, так и в «Разрыв-траве» герои должны узнать секрет, как отыскать клад, принадлежащий народу, и как завладеть им. Для этого один из «нищей братии» должен отправиться в дремучий лес, отыскать там старушку, которой триста лет и три года, и выведать у нее секрет. Первым снаряжается в поход самый смелый из братии – Трусивый, имя которого указывает на исход его поисков. Испугавшись лесных чудищ, он побежал куда глаза глядят, нарушив сказочный запрет не сходить с тропинки, и сгинул безвозвратно. Второй посланец нищей братии – Любивый – сошел с тропинки из-за сердца своего жалостливого: злая сила приняла облик прекрасной страдающей девушки, герой не смог оставить ее без помощи, о которой она жалостно просила, бросился в лес и погиб. Только третий брат – десятилетний ребенок Ваня, которому выпал жребий спасти «мир», сельскую общину, оказался стойким. Как раз в связи с героем-ребенком П. В. Засодимский вводит традиционные для рождественского и святочного рассказов описания яств и подарков, которыми соблазняют бедного ребенка злые силы. Старуха манит его сочным виноградом, пирогом, сдобной булкой.

«Порой Ване грустно становилось, брало его раздумье о том, что он, пожалуй, заблудится в этом темном, дремучем лесу, не видать ему своей братии нищей, не застать ему матери в живых. Вдруг Ваня слышит вблизи веселые крики, смех и хохот. Смотрит: на лужайке дети играют – бегают, ловят друг друга, обручи катают, мячи перебрасывают, прячутся за кустами, аукаются. Весело детям, зовут они Ваню играть, показывают ему игрушки. И что же это за игрушки! Таких игрушек Ване и во сне не снилось... Большие нарядные куклы – барышни "на пружинах" сами по лугу ходят, раскланиваются, головками кивают. Ручки у них лайковые, головки фарфоровые, розовые щеки, блестящие, но безжизненные глаза, – словом, как настоящие, живые барышни. И тут же игрушечные лошади, собачки, барашки, колясочки. Целые города выстроены. По луже корабли плавают, а на берегу лужи крепость выстроена, и перед крепостью картонный генерал потешно командует картонными солдатиками... Остановился Ваня, глаза у него разбежались. Очень захотелось ему посмотреть вблизи на эти игрушки, но вспомнил о братьях и, махнув цветочком, пошел далее». Такого рода подробные описа-

ния рождественских яств и подарков характерны для святочной словесности вообще и для святочных рассказов П. В. Засодимского, в частности («Перед печкой», «Ночь на Новый год», «История двух елей» и др.).

Заметим, что источником мотива соблазнения ребенка злыми силами, возможно, являются баллады: например, баллада В. А. Жуковского «Лесной царь», в которой Лесной царь соблазняет ребенка весельем в своей стране, жемчужными струями, цветами бирюзовыми, золотыми чертогами, играми с его дочерьми:

Ко мне, мой младенец, в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять.

Каждый из трех героев «святочной сказки» отправляется в поход со своим сказочным предметом, который способен чудесным образом помочь ему одолеть злую силу: Трусовый берет с собой палицы в пятьдесят пудов, Любивый – дудочку, а Ваня – голубой цветочек. В то же время сказочный предмет является эмблемой персонажа: палица пятидесятипудовая должна свидетельствовать о богатырстве Трусового, однако она не может помочь трусливому персонажу. Дудочка Любивого выражает его нежную любящую душу, поэтическую его сущность, сочувствие к людям и готовность помочь, но эта же поэтичность Любивого погубила его, не смог он распознать злую силу, соблазнявшую его. А «голубой цветочек» Вани – скорее всего василек – указывает на чистоту детской души и в то же время на победу героя над злыми силами.

В «Энциклопедии славянской культуры, письменности и мифологии» А. А. Кононенко говорится, что васильки являются символом любви и бессмертия, по одной из легенд, название их происходит от имени святого Василия. «Известно предание о том, что эти цветы выросли на месте закопанного креста Спасителя, их название соответствует греческому *basilicon*. Их святят на Спас, из них делают кропило для святой воды, кладут в купель с младенцем» [2]. В купальских песнях упоминаются васильки. Они выступают магическими растениями, которые помогают в общении с духами и нечистой силой. В то же время известно, что васильки использовались как обереги, изгоняющие злых духов и демонов. Становится понятно, почему писатель «вооружает» Ваню «голубым цветочком»: с одной стороны, цветок является символом чистоты, доброты, праведности героя, а с другой – выполняет в сюжете функцию оберега от злых сил.

Итак, в сказке Засодимского три героя, которым выпадает жребий спасти народ: Богатырь, Поэт и Дитя. Богатырь давно потерял свои богатырские качества, по-видимому, так следует интерпретировать этот образ. В этом смысле П. В. Засодимский подключается к традиции сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина в изображении народа. Народническое видение, характерное и для Засодимского, заключается в том, что народ не просвещен, ему нужна поддержка. Именно этим было обусловлено хождение в народ.

Поэт с тонко организованной душой не отличается стойкостью, свойственной борцам.

Надежду на победу над злыми силами, над социальным злом писатель связывает с ребенком, с новым поколением народных заступников. Таким народным заступником, стойким, мужественным, готовым жертвовать собой ради народа, и предстает в сказке десятилетний Ваня.

Народная сказка обычно заканчивается счастливо, торжеством добра над злыми силами, свадебным пиром, на котором и сказитель был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало. П. В. Засодимский трансформирует эти традиционные мотивы и образы: невеста Вани умирает, не дождавшись жениха из дальнего похода, куда отправил его мир, мать лежит в земле сырой, а на пире, устроенном в честь возвращения героя, все сидят не веселы, так как секрет Ваня добыл, но разрыв-травы у нищей братии нет, чтобы поднять клад, народное богатство.

Образ Председателя пира возник у Засодимского, возможно, под влиянием пушкинского «Пира во время чумы». Культурная память читателя хранит строки «Гимна в честь чумы», сочиненные Председателем:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы...

В финале «Разрыв-травы» также возникнет картина природных катаклизмов, несмотря на которые народ продолжает искать заветную разрыв-траву, чтобы вернуть себе отнятое разбойниками богатство.

Еще одна деталь, связанная с образом Председателя пира, оказывается значимой для художественной концепции рассказа П. В. Засодимского – веночек: «... на председателе пира красовался веночек не из пахучих, роскошных цветков, а из колючего терния...»

Веночек из роскошных пахучих цветков, с одной стороны, отсылает к купальской традиции украшать себя венками в купальскую ночь, бросать венки в воду или сжигать, с другой – к празднику Ивана Купалы, поверьям о раз-

рыв-траве, с помощью которой открываются клады. Терновый же венок Председателя пира вызывает ассоциации с терновым венком Христа, а также далее по ассоциации заставляет вспомнить образы революционеров-демократов 60-х годов XIX века в изображении Н. А. Некрасова, например, Н. Г. Чернышевского:

Его еще покамест не распяли,
Но час придет – он будет на кресте,
Его послал Бог Гнева и Печали
Царям земли напомнить о Христе.

Не являет ли собою Председатель пира в терновом венке у П. В. Засодимского образ народника, соединившего свою жизнь и судьбу с народной, вставшего во главе крестьянской общины? Или лидера из народа, «народного заступника»? Да, такие предположения возможны.

Ваня изображен у Засодимского самоотверженным народным заступником, схожим с некрасовским Гришей Добросклоновым. Его отличает любовь к Родине, на могиле матери он произносит знаменательный монолог, скорее – ораторскую речь, в которой неорганично звучат инородные для нее сказочные мотивы, так как это скорее речь пропагандиста: «Родина моя! – шептал он с любовью. – Не привелось нам увидеться! всю жизнь проблуждал в темном лесу, боролся с лесными страшилищами, всю молодость свою убил в скитаниях тяжких... твою заповедь сын твой исполнил: он узнал великую тайну о кладе и откроет ее своим бедным братьям». «Темный лес» и «лесные страшилища» здесь могут быть восприняты как аллегория несправедливо устроенного общества.

Однако не образом печального пира заканчивается «святочная сказка» П. В. Засодимского, а попытками нищей братии поднять клад.

Секрет клада Ваня добыл, но разрыв-травы, необходимой для того, чтобы клад дался в руки, не оказалось у «голи перекаточной». Только сто человек отыскивали эту траву, попробовали малыми силами поднять клад, но усилия оказались тщетными: «Ясное дело, нужна была великая сила для того, чтобы поднять этот глубоко зарывшийся громадный и тяжелый клад». По мысли писателя, только общими усилиями всего народа можно переменить его участь, построить новую – счастливую – жизнь. П. В. Засодимский выражает надежду в возможность осуществления социальной гармонии на земле, социальной справедливости. Оптимистично звучат финальные строки сказки: «А люди собирают разрыв-траву все более и более, все ждут, надеются и верят в то, что долго ли, коротко ли они достанут клад».

П. В. Засодимский использовал в рассказе тот тип преданий «о кладах, которые в силу социально-утопических иллюзий крестьянства осмысляются в качестве источника избавления от нужды» [3], создал в «Разрыв-траве» своего рода аллегорический рассказ об устремленности народа к справедливой жизни. В этом смысле «святочная сказка» П. В. Засодимского находится в русле исканий народнической литературы: в своих пропагандистских произведениях писатели-народники обращались к фольклорной традиции, чтобы говорить с народом не языком политико-экономических сочинений, непонятным для него, а языком известных ему образов и мотивов. Показательным примером таких народнических произведений являются сказки С. Степняка-Кравчинского «Сказка о Мудрице Наумовне» и «Сказка о копейке», которые языком фольклора объясняли народным массам основные положения «Капитала» К. Маркса.

Разрыв-травя в «святочной сказке» П. В. Засодимского символизирует жажду справедливой жизни, готовность жертвовать собой во имя народного благополучия. Писатель уверен, что «если не поднимем (клада. – Л. В.) сегодня, завтра будет еще труднее», тем самым побуждает народ к немедленному деянию.

По мысли автора «Разрыв-травы», нужно, чтобы в каждом сердце было стремление к добру и идеалу, тогда станет возможно всеобщее счастье: «нужно, чтобы каждому досталось по стеблю этой заповедной травы, нужно, чтобы каждый носил ее на сердце».

Клад в контексте сказки выступает символом счастливой народной жизни, упованием «нищей братии». Клад – это то, что было создано народом, но незаконно, несправедливо отнято у него «разбойниками» – верхушкой общества, эксплуататорскими классами.

Картина природного и социального катаклизма является аллегорией социальной борьбы в несправедливо устроенном обществе. Когда «голь пережатая» попробовала малыми силами поднять клад, «тогда вдруг солнце померкло и от земли до самых далеких звезд встали на небе страшные тени злых разбойников. Едва лишь тронули клад, тени разрослись в черные тучи и омрачили все небо. Разразилась гроза, загрохотал гром. Поднялось страшное землетрясение... Толстые вековые стены, поросшие мохом, разваливались, старинные здания разрушались, горы дали трещины, море разбушевалось... Так люди и не могли достать клад». В иносказательной форме П. В. Засодимский предупреждает, что борьба за счастье народа неизбежно связана с сильнейшим противодействием сил зла, здесь – с сопротивлением современного порядка вещей.

Картина природного катаклизма в сказке П. В. Засодимского имеет фольклорное и литературное происхождение. В преданиях о кладах попытка достать клад встречала сопротивление сверхъестественных сил (чертовщины, мертвецов и т.п.) [3; 4]. В то же время картина катаклизма, нарисованная П. В. Засодимским, соотносится с символическим финалом главы «Подтверждение покаяния. Заключение» из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Грозное «Оно» уничтожает преступный порядок вещей города Глупова: «Полное гнева, оно неслось, бурвя землю, грохоча, гудя и стня и по временам изрыгая из себя какие-то глухие, каркающие звуки. Хотя оно было еще не близко, но воздух в городе, заколебался, колокола сами собой загудели, деревья взъерошились, животные обезумели и метались по полю, не находя дороги в город. Оно близилось, и по мере того как близилось, время останавливало бег свой. Наконец земля затряслась, солнце померкло <...> глуповцы пали ниц. Неисповедимый ужас выступил на всех лицах, охватил все сердца».

Однако если в произведении Салтыкова-Щедрина «Оно» воплощает Высшую справедливую силу, уничтожающую то, что противоречит идеалу задуманного Богом мироздания, то в сказке П. В. Засодимского восстание теней разбойников и превращение их в разрушительные стихии (гром, гроза, землетрясение) символизирует сопротивление сил зла и, в частности, социального зла.

Таким образом, жанровая природа «святочной сказки» «Разрыв-трава» П. В. Засодимского включает в себя элементы народной сказки, преданий о кладах, святочной словесности. Использование указанных фольклорной и литературной традиций обусловлено, с одной стороны, тем, что произведение было адресовано детям и читателю из народа. Сказочные мотивы, сказочная стилистика, сюжетные мотивы преданий о кладах, образ главного героя – ребенка – должны были заинтересовать маленького читателя, придать повествованию занимательный характер. В то же время «святочная сказка» содержала мораль, адресованную молодому поколению: жить для народа и его счастья, жертвовать личным во имя блага народного. Для взрослого читателя ясен был иносказательный смысл произведения о необходимости борьбы за справедливое общество.

Писатели-народники, в том числе и П. В. Засодимский, используют фольклорную традицию для создания эзопова языка своих пропагандистских и просветительских произведений. Жанр святочного рассказа становится в народнической беллетристике способом выражения надежды на избавление народа от социальной несправедливости, возможностью обращения к народу с «горячим словом убеждения».

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2014. Т. 4.
2. Кононенко А. А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. М., 2013. 294 с.
3. Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Петрозаводск, 1991. 46 с.
4. Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995. 639 с.

References

1. Dal V. I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 vol.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: 4 t.]. Moscow, 2014. Vol. 4.
2. Kononenko A. A. *Encyclopedia of Slavic culture, writing and mythology* [Encyclopedia of Slavic culture, writing and mythology]. Moscow, 2013. 294 p.
3. Krinichnaya N. A. *Russian folk historical prose: questions of genesis and structure. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Philology* [Russian folk historical prose: questions of genesis and structure: author. dis. ... Dr. Filol. of sciences]. Petrozavodsk, 1991. 46 p.
4. *Russian demonological dictionary* [Russian demonological dictionary] Compiled by T. A. Novichkova. St. Petersburg, 1995. 639 p.